

ЗДЕСЬ будет рассказано о плохой жизни в Чечено-Ингушском республиканском театре. Вот он стоит на главной улице города Грозного — унылое и угрюмое здание среди многих новых и свежих. Неприятный снаружи и убогий внутри, этот дом непригоден для творческой работы. Создавать тут праздники искусства очень трудно. Трудно, но можно. Талантливые люди создают хорошие спектакли на плохих сценах, бездарные — плохие на хороших. Успех приходит только в дружном, творческому коллективу.

А здесь коллектива нет. Молодые актеры, получившие образование в Ленинграде, в еще более молодые актеры, окончившие студию при театре, — вместе они составляют большинство нынешней труппы — не доверяют своим руководителям, считают их дельцами, а не деятелями искусства. Руководители в свою очередь не доверяют молодым актерам, называют их бунтарями и бунтователями. А еще — корыстными людьми, эгоистами и склонниками. Такая печальная история.

Вот передо мной статья Тамары Алиевой «Театр — это прежде всего творчество» в грозненской молодежной газете «Комсомолец племья». Статья огирается письмом режиссера М. Солдаева, художника В. Григорьева, актеров М. Пицкиева, С. Мамилова, Н. Халишевой и других (итого 30 подписей): «... Никто не следит за нашим творческим ростом. У нас нет своего зрителя, нет своей национальной драматургии. Почти все актеры живут в исключительных трудных бытовых условиях. Руководителей театра это мало беспокоит... Помогите нам создать в театре нормальную творческую обстановку».

А как? Это письмо, написанное молодыми «ленинградцами» и подписанное затем их молодыми и старыми товарищами (в том числе народными артистами Алиевой и Исаевой, заслуженным артистом Денишвым, старшей актрисой Мустапасовой), не содержит позитивной программы. Попробуем выяснить.

— Чего они конкретно хотят, как вы думаете? — спрашивает я директора театра Абдул-Хамида Хамидовича Хамидова.

КОГДА НЕТ НАСТАВНИКОВ

Директор, который только что грустным голосом говорил, что всегда мечтал быть простым заведующим литературной частью, директор взрывается: — Чего они хотят? Я вам скажу. Они вам этого не скажут. Чтобы Мамиллов был директором, а Солдаев — главным режиссером! И больше они ничего не хотят! Но меня не так просто скинуть...

Поскольку Мамиллов Солдаев уже подал заявление об уходе, остается Сулумбек Мамиллов, талантливый актер, которого я видел в роли Назбича в спектакле «Бала» по Лермонтову и которого вы тоже скоро увидите в этой роли — он снимается в фильме «Герой нашего времени».

— Чего мы хотим? — переспрашивает он. — Вот как-то приехали мы в Алхасты, играли под открытым небом. Пошел дождь, спектакль прервался. Мы говорим: давайте после дождя донтраем или скажем зрителям, что придем еще раз и сыграем снова. А нам: нет, обойдется в так. Деньги с колхоза мы получили, план есть, что вам еще надо... Пусть нам прямо скажут: или театр должен давать духовную пищу, или он должен быть паразитом на народных деньгах.

Эти два ответа очерчивают, так сказать, контур конфликта.

Началось все с того, что собрали группу молодежи, послали в Ленинград. Было известно, что через пять лет они вернутся. За это время нужно (и можно) было построить дом для актеров — его не построили, хотя и говорили об этом. За это время нужно было отремонтировать и расширить театр, чтобы сцена была пригодна для современного спектакля, — этого не сделали, хотя и понимали, что не мешало бы. А главное — за это время нужно было подумать, зачем республике эти молодые кадры. Нужно было подготовить для них интересную и увлекательную творческую задачу. Постановка цель. Сделать так, чтобы она появилась в Ленинграде была школа, а творчество начиналось только здесь, на родине, и надо думать, пробовать, вскакивать.

Об этом не позаботились тоже. Не поняли, что это необходимо. И сейчас не понимаю. «Не знаю, чего эти товарищи хотят», — говорит министр культуры республики В. А. Тагаев. — Когда они ставят материальный вопрос — это я понимаю... Ни министр, ни директор, ни главный режиссер П. Б. Харип не оказались теми людьми, которые могут разговаривать с молодыми артистами на языке творчества.

А ребята тем временем жили в большом городе, смотрели спектакли Товстоногова и Акимова, набирались чисто ленинградских впечатлений и были уверены, что если до них в Грозном было не так, как в Ленинграде, то с их приездом будет именно так.

Приехали. Театр убогий, квартал не дали. Красивая ленинградская жизнь не получается. Начали ворчать. На них прикрикнули. Актер Муса Дуаев пожаловался как-то тогдашнему заместителю директора, что костюм висит мешком, а обувь не по ноге. Что надо было ответить, раз уж театр не имеет средств на хорошие костюмы? «Да, Муса, плохой костюм. Так ты хоть сыграй сегодня по-лучше, постарайся, чтобы зрители забыли про нашу бедность». А что сказал заместитель директора? «Слушай, дорогой, подумай, куда мы едем», — сказал он. — Кто там, в колхозе, поймет, какой у тебя костюм? Выжди, скажи как-нибудь ложь, а все. Не терять же нам десять пятьдесят рублей...» А рядом с этими вот утешениями все чаще раздавались строгие голоса: «срок годности у вас есть, «в глазах лететь», «аполитичная позиция». Если же претензии молодых актеров становились чересчур громкими, создавалась комиссия и приходила к выводу, что все в порядке.

Внимания, дружелюбия, примеров, достояний подражания, — ничего этого не было. Но оставалось искусство. Молодым актерам не дали настоящей творческой цели — они поставили ее сами. Как сумели. Поскольку все их представления

об искусстве были «ленинградскими» — они и цель наметили «ленинградскую» — поставили спектакль «Скиванные деньги». («Просто Солдаев перенес товстоноговский спектакль», — говорит П. Б. Харип. «Ночей не спал, три сцены вообще написал заново», — говорит художник Сева Григорьев). Для Грозного этот спектакль действительно был новым словом, его хорошо оценила и комиссия ВТО, приезжавшая из Москвы, но спектакль не был приспособлен к выездам. А те постановки, которые приходится играть на выездах, — это классом ниже, чем то, что ребята считают искусством, — упрощенный и ухудшенный вариант того, что играл на стационаре. Опять же нужен был творческий человек, который уведен бы молодых актеров идей создания ярких народных представлений, специально рассчитанных на игру под открытым небом. Такого человека не нашлось. Ребята недовольны выездами потому, что они художественно безрезультатны, — им говорят: «Вы не хотите нести в народ идеи».

Они хотят нести в народ идеи. Хотят нести искусство. Сейчас они «несут» суррогат. Выразить в это нечего. Им и не возражают. Им говорят: давайте тогда нести хоть что-то. Так вот «хоть что-то» они нести не хотят. Их начинают упрекать в занаятизм. А это не занаятизм, а требовательность к себе (да, к себе, и лишь поэтому — и Тагаеву, Хамидову и Харипу) Кто просто испугался трудностей, тех давно уже нет в театре, о них не упоминали и в статье Тамары Алиевой. Сейчас уходят те, кто не верит в возможность исправления дел при нынешнем руководстве. А те, кто не уходит, те продолжают бороться. А таких, кто был бы согласен с руководством, таких сейчас в труппе почти не осталось. Так что же, вся рота идет не в ногу, один прапорщик идет в ногу?

Обо всем, что мешает чечено-ингушскому театру быть на уровне наших дней, этим молодым актерам пришлось

думать самостоятельно. И хотя их требования — это требования жизни, они не всегда ведали себя безупречно и в своей справедливой борьбе пользовались не всегда достойными методами. Плохая жизнь в Грозненском театре — это убийство взаимных упреков, обид и оскорблений. В результате абсолютно справедливые жалобы на отсутствие человеческих условий смешиваются с обязательскими требованиями, а вавилоняки на творческую беспомощность руководства с грубостью в адрес «неученых» старых актеров.

Конечно, по-своему неправы обе стороны. Но кто неправ в решающем: в главном? В республику приехала творческая молодежь, чтобы заниматься творчеством, и матушинуся на равную людей, непонимание и окрики со стороны тех, которые хотят только одного — чтобы ничего не менялось. Больше, больше даже, чем хорошие спектакли, чем квартиры, ребятам был нужен умный друг, способный разговаривать с ними просто, задумавши, способный и направить, и поправить, когда нужно, а главное — человек с той же мечтой о настоящем искусстве, которой захвачены они сами. В кем вышли они такого друга?

Руслан Хакимшев — один из «ленинградцев» — еще в институте явился и режиссуре. П. Б. Харипов обещал ему помощь, сказал, что даст работу ассистента. И не выполнил обещания, даже не вспомнил о нем. А в это время из Ленинграда шли письма от заслуженного деятеля искусств М. В. Сулимова. Он давал Руслану задания, советовал, следил за его ростом, стал близким человеком и наконец сообщил, что есть возможность принять Хакимшева прямо во второй курс режиссерского факультета. Начавшаяся путь в искусство, Руслан Хакимшев искал старшего друга, наставника и нашел его в лице Сулимова. А почему не в лице Харипова?

Вот это и есть суть проблемы Грозный. А. АСАРКАН.